УДК: 351/354:94(411)

Тюрин Евгений Анатольевич – кандидат политических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Российская Федерация, г. Орёл), e-mail: Turin.of.Foveran@yandex.ru

Савинова Елена Николаевна – кандидат политических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Российская Федерация, г. Орёл), e-mail: SavinovaE.N@yandex.ru

ЛЭРДЫ ФОВЕРАНА: К ВОПРОСУ О «НОРМАННСКОМ ФАКТОРЕ» В СИСТЕМЕ ЛЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ШОТЛАНДИИ

В статье рассматривается роль «норманнов» – выходцев из французских земель (Нормандии, Бретани, Фландрии) – в процессе становления и развития системы ленного управления в средневековой Шотландии, в связи с чем авторы используют термин «норманнский фактор». По мнению авторов, «норманнский фактор» проявлялся в этой стране в результате деятельности семейств, подобных Тюрингам из Фоверана, которые, встраиваясь в систему ленного управления средневековой Шотландии, интенсивно ее развивали. В статье также анализируются родовое имя Тюрингов, их семейный девиз и фамильная геральдика. Авторы приходят к выводу, что лэрды Фоверана были выходцами из Нормандии. Хронологические рамки статьи охватывают период с первой половины XIV в. до начала XVII в. На протяжении этого времени Тюринги осуществляли ленное управление в своем феодальном владении Фоверан в Абердиншире, демонстрируя типичный пример присутствия «норманнской» элиты в Шотландии.

Ключевые слова: Шотландия, средневековье, «норманны», система ленного управления, лэрды, Тюринги из Фоверана

TURIN E.A. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: Turin.of.Foveran@yandex.ru

SAVINOVA E.N. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: SavinovaE.N@yandex.ru

LAIRDS OF FOVERAN: ON THE QUESTION OF «NORMAN FACTOR» IN THE SYSTEM OF FIEF MANAGEMENT OF THE MEDIEVAL SCOTLAND

The article examines the role of «Normans» - people from French lands (Normandy, Brittany, Flanders) - in the process of formation and development of the system of feudal management in medieval Scotland, in connection with which the authors use the term "Norman factor". In the authors' opinion, the «Norman factor» was manifested in this country as a result of the activities of families like the Turings of Foveran, who, after integrating into the system of the feudal administration of medieval Scotland, intensively developed it. The article also analyzes the generic name of the Turings, their family motto and family heraldry. The authors conclude that the lairds of Foveran were from Normandy. The chronological scope of the article covers the period from the first half of the 14th century. before the beginning of the XVII century. Throughout this time, the Turings controlled their feudal holdings of Foveran in Aberdeenshire, demonstrating a typical example of the presence of the "Norman" elite in Scotland.

Keywords: Scotland, the Middle Ages, "Normans", the system of fief management, lairds, Turings of Foveran

Шотландия является страной, население которой со времен древности и средневековья не было однородным в этническом отношении. Шотландская нация формировалась на протяжении многих столетий под влиянием пиктов, скоттов, бриттов, англосаксов, скандинавов и др. В конечном итоге все перечисленные этнические группы, проживавшие на территории Шотландии и получившие в силу последнего обстоятельства общее наименование шотландцев, внесли вклад в развитие шотландской государственности и идентичности [1, 17, 18, 19].

В данной статье мы попытаемся показать на примере рода Тюрингов, как в средние века в Шотландии проявлялся «норманнский фактор», выражавшийся в том, что выходцы из-за Ла-Манша, укрепляясь на шотландских землях, встраивались в систему ленного управления этой страны.

По этому поводу Д.Г. Федосов – один из крупнейший российских специалистов по шотландской истории – пишет в своей работе «Рожденная в битвах. Шотландия до конца XIV века»: «Жажда земельных приобретений и надежда на удачу, которая влекла нормандских (из Нормандии. –

прим. авт.) воинов в Англию, на Сицилию, в Южную Италию и Палестину, привела их и в Шотландию. Со времени Дэвида I вплоть до конца XIII в., когда дружественные отношения с Англией рухнули, в стране обосновались сотни выходцев с континента, главным образом из Нормандии, Фландрии и Бретани» [10, С. 69].

В связи с приведенной цитатой есть необходимость уточнить терминологию, ибо выходцев из перечисленных северо-западных регионов Франции (а не только из Нормандии) именовали «норманнами», что, кстати, сохраняется и в современной западной историографии, расходящейся в толковании содержания данного термина с отечественной трактовкой. Последняя восходит еще к периоду возникновения «норманнской теории», согласно которой под «норманнами» понимали «варягов» - викингов, скандинавов.

Возвращаясь к западноевропейскому пониманию термина «норманны», отметим, что оказавшиеся в Британии выходцы из северо-западных регионов Франции были франкоговорящими, поэтому их именовали еще и «французами» (по крайней мере, в период средневековья) [4, С. 43].

По сути «норманны», попадавшие (часто через Англию) на территорию Шотландии и говорившие на французском языке, способствовали возникновению специфической языковой и социокультурной ситуации: простолюдины говорили на раннешотландском (Scottis), северном варианте древнеанглийского (Scottisc), и шотландском гэльском (Scottish Gaelic), а феодальная элита – на северофранцузском диалекте, который постепенно трансформировался в англо-нормандский (Anglo-normand, anglo-français). Языком же науки и церкви оставался латинский язык [3, С. 8].

Таким образом, уже со времени правления короля Дэвида I (1124–1153) «норманнский фактор» начинает играть существенную роль в социально-политическом и культурном развитии шотландского средневекового общества. Безусловно, эта роль в целом должна рассматриваться в контексте процесса формирования и укрепления системы ленных отношений. Рассматривая «норманнские» семьи Шотландии, следует отметить, что в этой стране ленное владение, как правило, получали младшие сыновья, в то время как старшим оставались в наследство родовые владения на континенте. Как справедливо отмечает Д.Г. Федосов, «это порождало запутанные вассальные обязательства даже в пределах одной семьи» [10, С. 69]. Любопытно, что подчас в итоге младшие оказывались в более перспективном положении.

Между тем «норманнских» родов, пришедших в Шотландию, было немало: Брюсы, Стюарты, Баллиолы, Хэи, Олифанты, Комины, Фрэйзеры и др. Некоторые из них оказывались не только близко к трону, но и воцарялись на нем. Впрочем, бóльшую часть иноземцев нормандско-бретонско-фламандского происхождения все же составляли мелкие рыцари. Очень часто они обретали своего сюзерена уже в Шотландии (в лице крупного феодала или непосредственно короля), получая за

службу небольшие ленные владения и пополняя сословие средних и мелких землевладельцев, именуемых в документах, начиная с позднего средневековья, лэрдами (lairds) [9, С. 45].

Такими лэрдами «норманнского» происхождения были Тюринги из Фоверана, которым, собственно, и посвящена данная статья.

Точные данные о времени, когда первые представители этого рода поселились в Шотландии, к сожалению, отсутствуют. Возможно, члены данного семейства прибыли в Британию в составе войска Вильгельма Завоевателя. Такое предположение пока не подкрепляется сколь-нибудь убедительными доказательствами, тем более что большинство «норманнских» родов обосновалось в Шотландии позднее.

Отметим, что Джеймс А. Фэллон, исследуя в своей работе «Scottish mercenaries in the service of Denmark and Sweden 1626–1632» историю пребывания шотландцев на службе у датской и шведской корон в XVII веке, называет фамилию Тюрингов среди редких и отличительных для шотландских семейств [13, С. 110].

Рассматривая данный вопрос, следует отметить, что в Шотландии их фамилия изначально официально писалась/произносилась без буквы “g” на конце (Turin, Turyne) и иногда с приставкой “de” (на французский манер). Концевая “g” в этой фамилии официально была закреплена только с 1613 г., хотя, в документах иногда встречалась и ранее.

Ранняя «французская» версия родового имени Тюрингов подтверждает мнение Дж. А. Фэллона об их нешотландских корнях, хотя вопрос о том, были ли «норманны» Тюринги выходцами непосредственно из Нормандии, пока остается открытым.

Так, например, Уильям Темпл в своем фундаментальном труде “Thanage of Fermartyn including the district commonly called Formartine” в разделе, посвященном благородным семействам Фоверана (Шотландия, Абердиншир), говорит как об известном факте, что Тюринги - выходцы из Нормандии [22, С. 565]. Между тем «The lay of the Turings» [23, С. 49] и «Collections for a History of the Shires of Aberdeen and Banff» [12,с. 366] ассоциируют Тюрингов с Тур д’Овернь. Последнюю версию поддерживает и «Debrett's Peerage».

Вероятнее всего, фамилия рассматриваемого семейства происходит от названия феодального лена, что является общепринятой практикой в средневековой Европе. Вопрос лишь в том, где располагалось владение-эпоним – в Шотландии, Нормандии или же еще где-то во французских землях. Во всяком случае точно известно, что первое шотландское владение Тюрингов, располагавшееся в Форфаршире, изначально называлось Тюрин (Turin). Тем не менее последний факт не означает отсутствие лена со схожим названием на континенте (в Нормандии). К примеру, город Комин (Comines) на границе Нормандии и Фландрии стал эпонимом рода Коминов, основателем которого считается Робер де Комин

(de Comyn; de Comines), происходивший, по всей видимости, из названного города.

Тем не менее, как справедливо подметил знаток европейского средневековья Джон Гарднер: «Выбор фамилии был в средние века сплошь и рядом делом случая. Фамилии давались по месту происхождения…, по имени отца…, по профессиональному занятию… или даже… по особенностям характера или репутации» [3, С. 44].

В данной связи уместно выдвинуть следующую гипотезу: Тюринги стали носителями собственного родового имени еще в дошотландский период истории своего семейства. Объяснением в данном случае является присущая германским народам традиция – образовывать родовое имя от исторического либо легендарного предка. Так, например, Инглинги – древние конунги земель на территории современных Швеции и Норвегии– вели свой род от германо-скандинавского бога Ингви (Фрейр), а французские Капетинги – от реально существовавшего парижского графа Гуго Капета.

Сказанное наталкивает на предположение о том, что, с большой долей вероятности, Тюринги были осевшими в Нормандии «офранцузившимися» скандинавами, которые изначально могли возводить свое происхождение к герою скандинавских мифов по имени Тюр.

«Младшая Эдда» («Видение Гюльви») рассказывает о Тюре следующее: «…Есть еще ас по имени Тюр. Он самый отважный и смелый, и от него зависит победа в бою. Его хорошо призывать храбрым мужам. Смелый, как Тюр, называют того, кто всех одолевает и не ведает страха. Он к тому же умен, так что мудрый, как Тюр, называют того, кто всех умнее…» [7, С. 45].

Как можно заметить, для родоначальника Тюр – более чем подходящий персонаж, и Тюринги не без причин могли пожелать возвести свое происхождение к такому прародителю.

Косвенное подтверждение данной гипотезе можно найти в фамильном девизе рассматриваемого семейства – «Audentes fortuna juvat» (пер. с лат. – «Храбрым судьба помогает») [23, С. 77]. Эту фразу использует Вергилий в поэме «Энеида» [2, С. 547]. Казалось бы, как с ней связан скандинавский Тюр? Между тем язык символов, ассоциативных рядов и метафорических отсылок, присущий мировосприятию средневекового человека, позволяет увидеть своеобразную логическую связь.

Не секрет, что для средневековья события Троянской войны имели особое значение, поэтому многие династии и даже целые народы (скандинавы, франки, бритты и другие) возводили свое происхождение к троянцам. Более того, иногда в мифологическом сознании соединялись, казалось бы, несоединимые сюжеты. Так, в прологе к упоминавшейся «Младшей Эдде» довольно подробно рассказывается о Трое и о происхождении Одина от Меннона («троянского конунга») и Троан («дочери царя Приама») [7, С. 12–13]. К слову, Тюр, согласно скандинавской мифологической традиции, доводится Одину сыном, т.е. и он – потомок Приама.

Но любопытно и другое. Фраза из «Энеиды» вложена Вергилием в уста Турна

(Turnus) – одного из главных персонажей, характеризующегося царственностью, храбростью, воинственностью и родством с богами. Очевидным является созвучие имен Турна и Тюра, что можно было бы рассматривать как простое совпадение, если бы не наличие заметных параллелей в характеристиках этих мифологических персонажей [21, С. 174–211]. Правда, Турн из «Энеиды» – противник троянцев, а Тюр из «Младшей Эдды», напротив, – потомок троянского царя. Впрочем, подобные противоречия никогда не являлись препятствием для преломлений мифологических образов в средневековом сознании.

Исходя из вышесказанного, вполне можно допустить, что приобщившиеся к античному литературному наследию «норманны» Тюринги взяли в качестве фамильного девиза фразу, произнесенную в «Энеиде» Турном, а сходство имени последнего с именем Тюра привело к тому, что вергилиевская фраза стала ассоциироваться с Тюром, которого в роду издревле считали предком. Возводя же свое происхождение к Тюру, род получил соответствующее наименование – Тюринги. Собственно, именно тогда их родовое имя уже содержало концевую букву «g». Обосновавшись на французских землях (логичнее всего предположить, что в Нормандии, где концентрированно проживали потомки выходцев из Скандинавии), Тюринги со временем обрели еще один вариант наименования своего рода (Тюрин), более соответствующий местным лингвистическим особенностям. Позднее оба варианта родового имени они перенесли на территорию Шотландии. Впрочем, в шотландском языке “g” в конце слов (в том числе фамилиях) при произношении фонетически опускается. Поэтому можно также допустить, что вариант фамилии Тюрингов с отсутствующей буквой «g» появился уже непосредственно в Шотландии. Официальное же принятие в 1613 г. германо-скандинавской версии фамилии было связано с желанием Уильяма V Тюрина закрепить за своей семьей амбициозные аналогии с известными династиями древности (Нифлунги, Вёльсунги, Скьёльдунги, Ловдунги, Будлунги и др.).

Так или иначе, но очевидным фактом является практика использования Тюрингами различных вариаций (Turin, Turyne, Thurin, Thuring, Turing) написания/произношения своего родового имени. Вероятно, именно поэтому, как и в прошедшие столетия, представители различных ветвей этого семейства, проживающие в тех или иных странах, до сих пор используют обе версии фамилии (Тюринг/Тюрин).

Подытоживая, можно сказать следующее: и французский (Turin, Turyne, Thurin), и германо-скандинавский (Turing, Thuring) варианты рассмотренной фамилии свидетельствуют, по нашему мнению, о большой степени вероятности локализации места проживания Тюрингов в дошотландский период именно в Нормандии.

Конечно, может показаться, что мы слишком много внимания уделили вопросу о происхождении родового имени Тюрингов. Тем не менее, на наш взгляд, это было важно хотя бы потому, что в Шотландии

имя всегда являлось важнейшим указанием на происхождение, а также символом и критерием знатности [9, С. 39].

Еще одним источником информации, позволяющим пролить свет на дошотландские родовые корни Тюрингов, является семейная геральдика, имеющая прямые аналоги среди гербов шотландских родов «норманнского» происхождения. Более того, признанный знаток шотландской геральдической традиции Б. МакЭндрю предполагает дошотландское родство Тюрингов с семейством Бонневиль/Бонвил (Bonneville, Boneville, Bonville, Bonevyle), вышедшим из Нормандии [15, С. 448].

Итак, в настоящее время известны три версии фамильного герба Тюрингов. Каждый из вариантов соотносится с определенной датировкой в источниках, а также с той или иной ветвью рода, что типично для шотландских семейств (в том числе «норманнского» происхождения). Шотландские роды в других странах, как правило, сохраняли свои гербы, иногда видоизменяя тинктуры или включая фамильные гербы в структуру вновь пожалованных [9,с. 37]. Кстати, именно благодаря геральдике как раз и можно проследить родство семейств, проживающих подчас в разных регионах Европы, но тем не менее относящихся к различным ветвям и линиям одного рода.

Единственная, плохо сохранившаяся печать Тюрингов (SHS63309) [9, С. 37], которая датируется 1474 г., стерта, и поэтому самым ранним изображением их герба является гравированная надгробная плита, выставленная в настоящее время как исторический экспонат в церкви Фоверана (Шотландия, Абердиншир). На ней увековечены два представителя семейства Тюрингов, которые, вероятнее всего пали на поле битвы при Харлоу. Они изображены в доспехах с двуручными мечами в руках. Кстати, изображение мечей подобного типа на данной плите считается наиболее ранним в Шотландии и даже во всей Британии. Могильная надпись, оковка на щитах и все тексты на свитках, которые изящно висят перед лицами каждой фигуры, не сохранились. Вероятнее всего, на фоверанской плите изображены павшие при Харлоу братья (или сыновья) Эндрю Тюрина [16,с. 11–17]. Интересен герб: в поле щита перевязь, некогда несущая главы трех вепрей (изображение последних практически не сохранилось). Их герб вполне соответствует геральдическому типу, присущему «норманнским» аналогам на континенте и в Британии, а вепри – это еще одна символическая отсылка к воинской храбрости, упоминаемой в фамильном девизе.

Отметим, что наиболее раннее описание герба Тюрингов можно обнаружить в Гербовнике сэра Дэвида Линдси: в серебряном щите черная перевязь с тремя золотыми головами вепрей (Argent, on a bend Sable three boars' heads couped Or (DL463); 1542 г.). Это древняя версия герба старшей линии рода Тюрингов. Она фигурирует в следующих источниках: «Slains Armoria» (1565-1567), «MacKenzie's Scotland's Heraldrie (Scotland's Heraldrie the Science of Heraldrie treated as a part of the Civil law and Law of Nations George Mackenzie of Rosehaugh Published» (1680), «Ordinary of Arms» (1893), «Burke's Landed Gentry in

Scotland» (2001). Таков герб и нынешнего главы британской ветви и всего рода – сэра Джона Дермота Тюринга, 12-го баронета Новой Шотландии.

Кроме описанного варианта также имеется версия фамильного герба Тюрингов, впервые упоминаемая в 1591 г. и внесенная в Гербовник Сетона: в золотом щите червлёная (красная) перевязь с тремя золотыми головами вепрей (Or, on a bend Gules three boars' heads couped Or (SN311)). Эту версию герба Тюрингов мы находим еще в «Nisbet's A System of Heraldry» (1722), «The Lay of the Turings» (1855), «The General Armory of England, Scotland, Ireland, and Wales» (1884). Сейчас уже трудно сказать, почему появилась данная версия герба с иными тинктурами, ассоциируемая (как и первая) с главной (старшей) ветвью рода. Данный вопрос остается пока открытым. Но несомненно, что и младшие ветви рода Тюрингов (представители которых оказывались в разное время вне пределов Британии) использовали в своих гербах оба упомянутых набора фамильных тинктур.

Наконец, известен еще один вариант их герба, не вошедший в британские гербовники и не использовавшийся лэрдами Фоверана (т.е. старшей линией рода). Он блазонируется следующим образом: в горностаевом щите червлёная (красная) перевязь с тремя золотыми головами вепрей (Hermine, on a bend Gules three boars' heads couped Or). Геральдический горностаевый мех чаще всего (в сравнении с другими территориями Европы) встречается в геральдике Нормандии, Фландрии, Артуа и Шотландии. Более того, в названных регионах, плюс еще Англия и Нидерланды, горностаевый мех использовался с XIII в. как бризура для гербов младших отпрысков знатных домов, о чем убедительно пишет в своих работах по истории и теории геральдики авторитетнейший специалист в данной области Мишель Пастуро [6, С. 271].

Таким образом, учитывая данные источников, этнолингвистическую специфику фамилии, символику геральдического девиза, особенности тинктур и образов родового герба, а также соответствующие упоминания в литературе, можно с известной степенью объективности утверждать, что Тюринги, вероятнее всего, являются выходцами именно из Нормандии и представляют собой типичный пример «норманнских» семейств, осевших в Шотландии.

Первые дошедшие до нас упоминания о присутствии Тюрингов в Шотландии датируются документами 1316 г., в которых фигурирует имя Эндрю I Тюрина [23]. Изначально они осели в Ангусе (Форфаршир), где владели леном Тюрин (Turin). Даже в наши дни места, раскинувшиеся между аббатством Аберлемно (на севере), холмом Питскэндли (на западе), замком Гатри (на востоке) и озером Рэскоби (на юге), называются Тюрин, сохраняя историческую память о своих давних владельцах, а топографическая карта этой территории дает много интересных примеров: Turin Hill, West Mains of Turin, North Mains of Turin, Nether Turin, House of Turin (Turin Castle).

В XIV в. этот род покинул Ангус, обосновавшись севернее (в Абердиншире), а их

форфарширские владения в 1365 г. перешли к Олифантам – могущественному «норманнскому» клану, одной из ветвей которого с того времени стали считаться Тюринги.

В Абердиншире представители рассматриваемого семейства появились не позднее 1323 г., когда представитель этого рода Áдам Тюрин упоминается как участник дела по поводу тяжбы о парке Файви. Два года спустя, в 1325 г., он выступает в качестве присяжного (стряпчего), который определял земельные границы между Файви и Ардлоджи [11, С. 782].

Согласно данным, содержащимся в «The lay of the Turings»", король Роберт I Брюс подписал хартию в пользу Эндрю I Тюрина на исключительное право рыбной ловли в водах реки Итан, в ленном владении Фоверан. Новая хартия была подписана около 1340 г. наследником Роберта I – королем Дэвидом II Брюсом - в пользу Уильяма I де Тюрина из Фоверана [23,с. 47]. Упомянутые привилегии для лэрдов Фоверана были подтверждены и значительно позднее, в 1698 г., в Уддингтоне по поводу декларирования прав рыболовства в р. Итан [23, С. 47]. Тогда было доказано, что у лэрдов Фоверана издавна было исключительное право на ловлю красной и белой рыбы в р. Итан. Привилегия, кстати, распространялась и на добычу прекрасного речного жемчуга, столь крупного, что им в свое время даже украсили высшую регалию – королевскую корону Шотландии [23, С. 54].

Таким образом, с уверенностью можно говорить о том, что в Абердиншире Тюринги закрепились в годы царствования королей Роберта I Брюса и Дэвида II Брюса. Властителями же Фоверана они стали благодаря помощи, которую Уильям I де Тюрин оказал королю Дэвиду II, когда последний из-за внутриполитических перипетий вынужден был временно покинуть Шотландию, скрываясь на территории Франции [23, С. 51].

«The lay of the Turings» воспевает Фоверан как благословенный край, отмеченный «сладостной благодатью бурной Весны» [23, С. 48]. В тексте говорится: «Лэрды Фоверана приняли свой эпитет («of Foveran». прим. авт.) от фонтана, примыкающего к замку; на бриттском и ирландском языках это название означает фонтан или весенний источник с самой чистой и нежной водой, которая восхищает своей игрой в сотне труб, словно на самом деле весна создает мелодию из танцующих атомов земли» [23, С. 50].

Возвращаясь к прозаическим реалиям средневековой истории Фоверана, отметим, что эта территория первоначально принадлежала Коминам, графам Бьюкен, но после конфискации у них упомянутого владения король Роберт I Брюс передал землю Уильяму Страброку из Абердина. Наконец, согласно воле короля Дэвида II Брюса, Фоверан перешел от семейства Страброк к «норманнскому» дому Тюрингов [22, С. 565].

К сожалению, подлинник жалованной грамоты до наших дней не дошел, но этот

документ отмечен в двух королевских регистрах. Точной даты мы также не знаем, так как в свитке последовательно указаны: 3 и 5 июня 1358 г., а несколько ниже – 18 ноября 1358 г.. Впрочем, вполне очевидно, что Тюринги стали владельцами Фоверана в 1358 г., а первым Тюрингом из Фоверана (Turing of Foveran) стал Уильям I де Тюрин. Он упоминается и в документах 1362 г. как заверитель хартий. Интересно, что в этот период времени фамилия Тюрин пишется на французский манер (с приставкой «де» и «е» на конце – de Turyne).

Уильяма I де Тюрина сменил в качестве владельца фоверанского лена Эндрю I де Тюрин, который упоминается в документах, относящихся к 1388 г., 1390 г., а также 1400 г. [22, С. 565]. В 1417 г. он принимает участие в упорядочивании границ территории земель Тарвс и Удни [11, С. 782], а в 1424 г. Эндрю I де Тюрин фигурирует в дошедшем до нашего времени письме Симу Баннерману из Алесика. В этом письме также упомянуты сыновья Эндрю I де Тюрина – Джон и Эндрю II. В том же 1424 г. упомянут еще и Томас Тюрин как владелец охранной грамоты в Англии. Он, вероятно, был представителем одной из младших ветвей рода [11, С. 782].

В качестве владельца фоверанского лена Эндрю I де Тюрина сменил его сын Джон, что подтверждено королевской хартией, датированной 1440 г.

Джон I де Тюрин являлся весьма примечательной личностью. Благодаря сэру Джону Тюринги поднялись на столичные высоты, т.к. упомянутый представитель семейства стал членом Парламента Шотландии от Абердина. Возможно, такому карьерному росту способствовала удачная женитьба на Джанет де Хэй, дочери сэра Уильяма де Хэя, графа Эрролла, наследного Высокого констебля Шотландии [23]. Следует отметить, что Джанет по отцовской линии была праправнучкой короля Роберта II Стюарта. Таким образом, уже начиная с сына Джона I де Тюрина – Уильяма II де Тюрина – в жилах старшей линии Тюрингов из Фоверана текла королевская кровь Стюартов. О самом Уильяме сведений не сохранилось, но можно не сомневаться, что он исправно служил шотландской короне, т.к. его сын – Джон II Тюрин – известен нам по документам как городской судья Эдинбурга. Интересно, что в 1467 г. [11, С. 782] его фамилия написана в германизированном варианте – Тюринг (Turing) – пожалуй, впервые в шотландских письменных источниках. Впрочем, в документах последующих лет сэр Джон снова фигурирует как Тюрин. Так, например, он упоминается в дознании 1482 г., в 1491 г. – принимает участие в деле Александра Фрейзера де Филорта, а в 1494 г. – расследует обстоятельства в рамках судебного разбирательства Александра Ирвинга де Барума [22, С. 566]. В 1503 г. он уже покинул этот бренный мир. Тогда его вдова – Кэтрин Воукс, представительница семейства Воуксов из Мэни – упоминается в процессе о подтверждении ее прав на землю Фоверана.

Интересно, что в источниках в 1473 г. снова встречается имя Томаса Тюрина, имевшего в Англии охранную грамоту для

коммерческой надобности [11, С. 782]. Факт наличия охранной грамоты в стране, с которой Шотландия всегда была в, мягко говоря, сложных отношениях, подтверждает неплохой статус обладателя подобного документа. Но, к сожалению, и об этом Томасе Тюрине «с охранной грамотой» более полной информации нет. Возможно, это объясняется тем, что Тюринги никогда не относились к высшей титулованной аристократии Шотландии. Если старшие представители данного семейства были лэрдами Фоверана (да и то, как можно видеть из документов, повелители названного ленного владения часто исполняли функции присяжных, стряпчих, судей), то их младшие братья, сыновья и племянники были хоть и благородными, но мелкими аристократами, пробовавшими свои силы на поприще войны, гражданской службы и даже торговли.

Между тем в Фоверане Джона II Тюрина в качестве лэрда сменил его сын от брака с Кэтрин Воукс – Уильям III Тюрин. Документы от 1498 г. указывают, что он служил бальи у сэра Джона Лайона, 3-го лорда Глэмиса [11, С. 782]. Также он упоминается вместе со своим отцом в документах, датированных 3 октября 1503 г., о поездке с целью осмотра и инспектирования земель Тиббертоу и Фехила. Кроме того, Уильям III Тюрин указан в деле о дознании, датированном 1508 г., относительно некой реликвии Александра Скина [22, С. 566].

После смерти сэра Уильяма его вдова Элиза Чейн отказалась от прав на Фоверан в пользу своего сына Гилберта I Тюрина, получившего в этом подтверждение в королевской хартии от 1505 г. [22, С. 566]. Кроме прочего о Гилберте известно, что он был женат на Хелен Чейн, принесшей мужу в качестве приданого три четверти земель Тиббертоу, присоединенных к фоверанскому ленному владению [22, С. 566].

Гилберт I Тюрин погиб в 1513 г., сражаясь против англичан под знаменами короля Джеймса IV Стюарта в кровавой битве при Флоддене, унесшей цвет шотландской аристократии, включая самого монарха.

В 1517 г. лэрдом Фоверана стал Гилберт II Тюрин. В документе от 7 февраля 1527 г. имя «Гилберта Тюрина из Фоверана и одиннадцати других, Джеймса Крайтона из Френдраута и еще двадцати других, Патрика Чейна из Эслемонта и еще пятнадцати других, Джорджа Гордона из Гайта и еще пятерых» указывается среди тех, кто был освобожден от постоянного пребывания в войсковых соединениях Солуэя и Верка [22,с. 566 – 567].

Сэр Гилберт был женат дважды. Первым браком он сочетался с Хелен Чейн (если в источниках не произошло путаницы и смешения данных, то этот факт является удивительным совпадением, т.к. Гилберт I Тюрин тоже был женат на девушке по имени Хелен Чейн), а во второй раз его избранницей стала Кэтрин Арбатнот. Этот брак засвидетельствован в 1515 г. в Кинкардине [22, С. 567].

Наследником Гилберта II Тюрина стал его сын Уильям – уже четвертый по счету носитель этого имени в прямой линии Тюрингов. Он получил от своего отца право на земли Фоверана, что было подтверждено

королем в хартии от 29 марта 1527 г., где упомянуты земли Балгресшоу, Драмми, Ардок, Айткиншилл, Питмиллан и др. Кроме того, 25 августа 1541 г. Уильям IV Тюрин являлся свидетелем подтверждения хартии на земли Миддл Дисблэр, предоставленные Генри Филиппу и его супруге Кристиане Орне аббатом Линдореса. Через несколько лет (в 1544 г.) Уильям IV Тюрин назначен одним из фискальных оценщиков округа Абердина. Это было связано с тем, что королева Мария Стюарт приняла решение о новых налоговых мерах. Кстати, в рамках этих поборов королевские сборщики повторно совершили поездку по землям Фоверана ради взыскания дополнительных 20 фунтов [22,с. 567]. Еще одно упоминание об Уильяме IV Тюрине относится к 1548 г., когда он принимал участие в визитации в Арнаж. Сэр Уильям называется также в документах 1550 г., в которых говорится о его заслугах перед короной. [11, 22] .

Он был женат на Джанет Лесли, известной нам благодаря королевской хартии от 9 февраля 1555 г. по подтверждению прав «покойного Уильяма Тюринга из Фоверана» и предоставлению Джанет Лесли «в ее вдовстве, пожизненно земель Питмеллан и Милтаун в Фоверане, в Абердиншире» [22, С. 567].

Примерно к этому же времени относится сообщение 1563 г. об очередном Томасе Тюринге, который был держателем земли в аббатстве Ньюбатл, находившегося во владениях Марка Керра (1553 – 1609 гг.), получившего титулы лорда Ньюбаттла (1591 г.) и графа Лотиана (1605 г.) с правом передачи потомкам мужского пола [22,с. 567]. Мы полагаем, что имя Томас, периодически фигурирующее в источниках, скорее всего, использовалось в одной из младших (либо боковых) ветвей дома Тюрингов.

Возвращаясь к основной ветви рода, владевшей Фовераном, отметим, что это ленное владение после Уильяма IV Тюрина унаследовал его сын Роберт, женившийся около 1547 г. на Хелен Карнеги, дочери сэра Роберта Карнеги из Киннайда. 31 мая 1556 г. король подтвердил это пожалованием Роберту I Тюрину и Хелен Карнеги земель Мэйкл, Тиббертоу, Уотрачмур, Балгресшоу, Айткиншилл и Драмми в баронии Фоверан [22,с. 567]. Сохранилась также информация 1563 г. о предоставлении земли Торилей Роберту I Тюрину и его супруге. Наконец, в 1579-1580 гг. сэр Роберт выступал свидетелем по делу Иннсов из Ардгрейна. Он упоминается как состоящий в рядах сторонников короля и признающий законным монархом Джеймса VI Стюарта (документ датирован 1569 г.). Позднее, в 1574 г., он подписывает соответствующую бумагу «северных баронов». После Роберта I Тюрина лэрдом Фоверана стал его сын, который согласно уже сложившейся семейной традиции носил популярное в роду имя Уияльм.

Уильям V Тюрин фигурирует в качестве свидетеля соглашения в Слэйнсе, датированного 1588 г., кроме того, он упоминается в 1589 г. в документах Тайного Совета как предупредивший Уильяма Лесли из Варде-

риса об опасности, которая могла навредить еще одному Лесли (и тоже Уильяму) из Крихи [22,с. 567– 568].

Но, пожалуй, самым знаковым событием лэрдства Уильяма V Тюрина в фоверанском лене стал факт посвящения его в рыцарское достоинство королем Джеймсом VI Стюартом [22, С. 568].

Сэр Уильям отошел в мир иной в 1613 г., оставив после себя многочисленное потомство, которому мы не можем уделить внимание, будучи ограниченными рамками статьи. Скажем лишь, что ему наследовал сын Уильям, начиная с которого в написании фамилии старшей ветви дома Тюрингов закрепляется концевая буква “g”. Впрочем, употребление предшествующей формы фамилии сохранялось в роду и продолжает использоваться в наши дни, в том числе потомками младших ветвей, представители которых осели за пределами Британии.

Уильям VI Тюринг наследовал по старшинству практически всё достояние своего отца в Фоверане. 18 мая 1613 г. он был посвящен в рыцари. Казалось, что судьба дала этому молодому человеку все для большого будущего…

Однако произошло непредвиденное – юный лэрд Фоверана скончался на восьмой день после собственной свадьбы, что потрясло многих. Это печальное событие получило отражение в балладе, отрывок из которой стал сэру Уильяму эпитафией, где о нем говорится как о «надежде и чести благородной расы (слово “race” использовано поэтом в значении «род» – прим. авт.)»:

«The hope, the honour of a noble race,

Here, midst his kindred, Turing finds a place.

Death paused so long as Love's soft dalliance pleased;

When Love abated, Death the victim seized» [23,с. 49].

«Надежда, честь благородной расы,

Здесь, среди своей родни, Тюринг обрел свое место.

Смерть отдыхала, пока его радовала нежная улыбка Любви;

Когда Любовь утихла, смерть взяла свою жертву».

(Перевод Е.А. Тюрина)

Неожиданно скончавшегося Уильяма сменил его брат Джон. Мы не будем подробно описывать все перипетии судьбы Джона III Тюринга, связанные с приращением земельных владений. Тем не менее некоторые эпизоды его судьбы позволяют проследить, насколько тесно были связаны судьбы Тюрингов с шотландской короной.

Джон III Тюринг, как некогда его предок и тезка Джон I де Тюрин, еще раз породнил свою семью с королевским домом, женившись на Барбаре Гордон, дочери сэра с Гордона из Гайта.

Предок леди Барбары – сэр Уильям Гордон – был сыном графа Хантли и принцессы Аннабеллы, дочери короля Джеймса I Стюарта и Джоан Бофорт. Об этом событии в «The lay of the Turings» сказано следующее: «…should mate them with a king…» («…должен сочетать их с королем…») [23,

С. 50]. Теперь уже речь могла идти о родстве не только со Стюартами, но и с Плантагенетами.

Тем не менее у сэра Джона были проблемы в отношениях с женой и сыном. Поэтому он женился во второй раз на Маргарет Лесли, дочери Джона Лесли (брачный договор от 1652 г.). От этого брака родился единственный сын – Джон (четвертый носитель этого имени в старшей линии рода), с которым в истории дома Тюрингов связано одно важное событие, отразившееся в той или иной степени на последующих поколениях.

В 1639 г. Джон IV Тюринг из Фоверана получает патент короля Чарльза I Стюарта на получение титула баронета Новой Шотландии, согласно обычаю того времени ("haeredibus masulis quibuscunque") [22,с. 569]. Так сэр Джон стал первым в роду Тюрингов баронетом, которых за прошедшие столетия было всего двенадцать, включая нынешнего – сэра Джона Дэрмота Тюринга, с которым авторы данной статьи имеют честь состоять в переписке.

Возвращаясь к Джону IV Тюрингу, 1-му баронету, отметим, что он сильно пострадал за свою преданность монархам Чарльзу I и Чарльзу II Стюартам. Сэр Джон, кстати, проливал свою кровь в составе королевских войск в битве при Вустере. В конечном же итоге лояльность Джона IV Тюринга шотландской короне обернулась тем, что он вынужден был расстаться с родовыми землями Фоверана, которым Тюринги владели и управляли более трех сотен лет [22,с. 569]. Фоверанский замок (Foveran Castle) был разрушен, а ленные владения этого «норманнского» семейства перешли к их соседям по Абердинширу – Форбсам. Интересно, что древний донжон замка – Башня Тюринга (Turing's Tower) – простоял еще некоторое время, будто бы ожидая того момента, когда исполнится давнее пророчество Томаса Лермонта:

«When Turing's tower falls to the land,
Gladsmoor is near at hand;
When Turing's tower falls to the sea,
Gladsmoor next year shall be» [23, С. 569].

«Когда башня Тюринга рухнет на землю,
Гладсмур окажется под рукой;
Когда башня Тюринга падёт в море,
Гладсмур явит себя на следующий год».
(Перевод Е.А. Тюрина)

Башня Тюринга упала, а Гладсмур явил себя в 1745 г. во всем блеске шотландской воинской доблести якобитов. Камни из руин Башни были использованы позднее при возведении существующего доныне огромного особняка, построенного в стиле шотландских «баронских» замков (Foveran House). И по-прежнему чистейший источник, который в давние времена дал прозвание местным лэрдам, продолжает обильно снабжать освежающей ключевой водой Фоверан Хаус, являющийся историко-культурным достоянием [14, С. 107– 119] Абердиншира.

Дальнейшая же история «норманнского» семейства Тюрингов имела свои падения и взлеты, но уже не была связана с прекрасными землями Фоверана, воспеваемого шотландскими бардами на протяжении столетий…

Впрочем, род Тюрингов не затерялся во мраке веков. Так, например, еще в XVII столетии его некоторые представители становились «солдатами удачи», поступая, как и многие их соотечественники, на службу к государям других стран [13, С. 416]. Известно, как минимум, о пяти Тюрингах, выбравших поприще наемных воинов в Дании и Швеции [13, С. 115], откуда они могли попасть на территорию России в составе войск названных стран. Это происходило и с представителями других шотландских фамилий, охотно переходившими на русскую службу и часто принимавшими православие [5, С. 187– 195]. Существует также голландская линия Тюрингов, возникшая благодаря их дипломатической и коммерческой деятельности в Нидерландах.

В Британии после потери Фоверана Тюринги попали в разряд благородных, но обедневших семейств, и только позднее, на службе в колониальных административно-военных структурах Индии в XIX в., они смогли существенно поправить свои статусные позиции.

Наконец, в XX в. старшая (британская) ветвь этого рода была отмечена безусловно выдающимся человеком в лице Алана Мэтисона Тюринга – гениального математика, криптографа и мыслителя, чье наследие пока еще не осознано человечеством в полной мере. В настоящее время популяризацией наследия этого выдающегося человека активно занимается его племянник – сэр Джон Дэрмот Тюринг, 12-й баронет.

Подытоживая, можем сказать, что средневековый период истории пребывания Тюрингов в Шотландии являет собой характерный пример присутствия «норманнской» элиты в этой стране. Этот род, как и многие иные «норманны» (т.е. выходцы из Нормандии, Бретани и Фландрии), оказавшись на территории Шотландии, довольно успешно встроился в шотландскую систему ленного управления. Более того, «норманнский фактор» в лице многих семейств, подобных Тюрингам, ощутимо повлиял на политические, экономические, социокультурные отношения в шотландском обществе, а также сыграл свою роль в формировании национального самосознания шотландцев [8, С. 116– 124].

Библиография:

1. Апрыщенко В.Ю. Шотландия в Новое время: в поисках идентичностей. – СПб: Алетейя, 2016. – 720 с.

2. Вергилий Марон Публий. Буколики. Георгики. Энеида. – М.: Художественная литература, 1979. – 547 с.

3. Гарднер Дж. Жизнь и время Чосера. – М.: Радуга, 1986. – 448 с.

4. Граветт К., Николь Д. Норманны. Рыцари и завоеватели. – М.: Эксмо, 2007. – 250 с.

5. Ноздрин О.Я. Солдаты Смуты. Наемники в России начала XVII века // Средние века. – 2011. – № 72 (3-4). – С. 187– 195.

6. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья. Пер. с фр. Е. Решетниковой. – СПб.: Александрия, 2012. – 448 с.

7. Стурлусон С. Младшая Эдда. / Издание подготовили О.А. Смирницкая и М.И. Стеблин-Каменский. Ответственный редактор М.И. Стеблин-Каменский. – Л.: Наука, 1970. – 256 с.

8. Тюрин Е.А. Особенности формирования шотландского национального самосознания в условиях развития британской государственности: социально-полити-ческие аспекты // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – № 4. – С. 116–124.

9. Федосов Д.Г. Лорды и лэрды: шотландское дворянство в XVI – XVII вв. // Европейское дворянство XVI – XVII вв.: границы сословия. – М.: Археографический центр, 1997. – С. 35 – 49.

10. Федосов Д.Г. Рожденная в битвах. Шотландия до конца XIV века. – М.: ЕВРАЗИЯ – ИД Клио, 2014. – 240 с.

11. Black G.F. The Surnames of Scotland. Edinburgh, 1996, p. 782.

12. Collections for a history of the Shires of Aberdeen and Banff. Vol. 2-5. Illustrations of the topography and antiquities of the Shires of Aberdeen and Banff. Aberdeen, 1843. – 658 p.

13. Fallon J.A. Scottish mercenaries in the service of Denmark and Sweden 1626 1632. Glasgow, 1972. – 416 p.

14. Livcov V., Filonov V., Pozhidaev A, Nilaeva K. The Evolution of Mechanisms of Interaction Between State and Society in the Sphere of Preservation of Historical-Cultural Heritage in the Russian Empire // Bylye Gody. Vol. 47. Is. 1. 2018, pp. 107– 119.

15. McAndrew B.A. Scotland's Historic Heraldry. Boydell & Brewer, Incorporated, 2017. – 677 p.

16. Melville N. The Incised Effigial Stone at Foveran, Aberdeenshire. Park Lane Arms Fair Catalogue 15 (1998), pp. 11 – 17.

17. Merkulov P.A., Turin E.A., Savinova E.N. Cultural and Historical Determinants of the Formation of the Identity of the Scots: the Question of the National Self-Determination of Scotland // Bylye Gody. 2018. Vol. 47. Is. 1, pp. 60– 69.

18. Merkulov P.A., Turin E.A., Savinova E.N., Akatova N.G. The Highland's Socio-Cultural Heritage in the Context of Scientific Comprehension of the Historical Imperatives of the Scottish Society's Political Development. Part 1. // Bylye Gody. 2018. Vol. 47. Is. 1, pp. 60– 69.

19. Merkulov P.A., Turin E.A., Savinova E.N., Akatova N.G. The Highland's Socio-Cultural Heritage in the Context of Scientific Comprehension of the Historical Imperatives of the Scottish Society's Political Development. Part 2 // Bylye Gody. 2018. Vol. 48. Is. 2, pp. 465– 473.

20. Registrum magni sigilli regum Scotorum: The register of the Great seal of Scotland, A.D. 1306-1668. Vol. I. 1306– 1424. Edinburgh, London, Melbourne, 1984, Appendix 2, p. 596.

21. Stahl H.-P. The Death of Turnus: Augustan Vergil and the Political Rival // Between Republic and Empire. Interpretations of Augustus and His Principate / Ed. by K. A. Raaflaub and M. Toher. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1993, pp. 174– 211.

22. Temple W. Thanage of Fermartyn including the district commonly called Formartine. Aberdeen: D. WYLLIE & SON, 1894. – 740 p.

23. The lay of the Turings: (A.D. 1316-1849). London: Privately printed, 1850. – 90 p.

References:

1.Apryshchenko V.YU. Shotlandiya v Novoye vremya: v poiskakh identichnostey. – SPb: Aleteyya, 2016. – 720 s. (In Russ.)

2.Vergiliy Maron Publiy. Bukoliki. Georgiki. Eneida. – M.: Khudozhestvennaya literatura, 1979. – 547 s. (In Russ.)

3.Gardner Dzh. Zhizn' i vremya Chosera. – M.: Raduga, 1986. – 448 s. (In Russ.)

4.Gravett K., Nikol' D. Normanny. Rytsari i zavoyevateli. – M.: Eksmo, 2007. – 250 s. (In Russ.)

5.Nozdrin O.YA. Soldaty Smuty. Nayemniki v Rossii nachala XVII veka // Srednіye veka. – 2011. – № 72 (3-4). – S. 187– 195. (In Russ.)

6.Pasturo M. Simvolicheskaya istoriya yevropeyskogo srednevekov'ya. Per. s fr. Ye. Reshetnikovoy. – SPb.: Aleksandriya, 2012. – 448 s. (In Russ.)

7.Sturluson S. Mladshaya Edda. / Izdaniye podgotovili O.A. Smirnitskaya i M.I. Steblin-Kamenskiy. Otvetstvennyy redaktor M.I. Steblin-Kamenskiy. – L.: Nauka, 1970. – 256 s. (In Russ.)

8.Tyurin Ye.A. Osobennosti formirovaniya shotlandskogo natsional'nogo samosoznaniya v usloviyakh razvitiya britanskoy gosudarstvennosti: sotsial'no-politicheskiye aspekty // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. – 2017. – № 4. – S. 116– 124. (In Russ.)

9.Fedosov D.G. Lordy i lerdy: shotlandskoye dvoryanstvo v XVI – XVII vv. // Yevropeyskoye dvoryanstvo XVI – XVII vv.: granitsy sosloviya. – M.: Arkheograficheskiy tsentr, 1997. – S. 35 – 49. (In Russ.)

10.Fedosov D.G. Rozhdennaya v bitvakh. Shotlandiya do kontsa XIV veka. – M.: YEVRAZIYA – ID Klio, 2014. – 240 s. (In Russ.)